

Новый Ветхий Завет: завершается подготовка нового перевода на русский язык

Российское Библейское общество завершает подготовку нового перевода Ветхого Завета на русский язык. Многие уже знакомы с этим трудом по небольшим брошюрам, в которых он издавался в течение нескольких лет. О том, чем отличается новый перевод от официального (синодального) и какие задачи ставили перед собой переводчики, мы спросили у главного редактора РБО Михаила СЕЛЕЗНЕВА.

Язык «допушкинского времени»

– Зачем нужен новый перевод Ветхого Завета?

– Тот перевод, которым мы пользуемся сегодня, так называемый синодальный — изданный по благословению Святейшего синода в 1876 году, — стал предметом критики практически сразу же, как только вышел в свет, причем критика звучала с самых разных, порой противоположных, позиций. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев считал, что текст русского перевода должен быть еще больше приближен к славянской Библии. И. Е. Евсеев, председатель Русской библейской комиссии, напротив, в докладе «Собор и Библия», который он представил Всероссийскому церковному собору в 1917-1918 годах, критиковал синодальный перевод за излишнюю архаичность и несоответствие нормам литературного языка: «Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век... Это совершенно недопустимый в литературе язык еще допушкинского времени».

– Как же получилось, что язык перевода, вышедшего в 1876 году, почти сразу оказался устаревшим?

– Дело в том, что в основе синодальной Библии лежат переводы, сделанные Российским библейским обществом еще в первой четверти XIX столетия, при императоре Александре I. При Николае I переводческую работу пришлось остановить. Она возобновилась с восшествием на престол Александра II и завершилась публикацией полного перевода Библии в 1876 году, спустя более чем через полвека после начала работы. А это были очень важные полвека для русского языка: именно за это время русский литературный язык и сформировался.

Образование Российского библейского общества, первые переводческие опыты — середина 1810-х годов — это время, когда Пушкин еще учится в Лицее, еще кипит полемика вокруг реформы русского литературного языка Карамзиным... А год, когда перевод наконец вышел, это совсем другая эпоха. Пушкин, Лермонтов, Гоголь стали признанными классиками русской литературы; уже написаны «Преступление и наказание» и «Война и мир». К тому времени когда перевод был наконец опубликован, русский язык стал совсем другим. Уже тогда читать синодальную Библию было нелегко.

Сейчас — еще тяжелее. Знаете, почему у нас так успешно продаются разнообразные «Детские Библии»? Да потому, что их читают не только дети, но и взрослые, которые хотят познакомиться с Ветхим Заветом, а Синодальный текст одолеть не могут.

– Но, может быть, Ветхий Завет и сам по себе очень сложен для чтения, безотносительно к переводу?

– Если мы откроем еврейский текст книги Бытия или книги Судей, то мы поразимся тому, настолько в большинстве случаев прост язык этого текста. Так и представляешь себе старенького учителя в какой-нибудь древнееврейской школе, который именно этими простыми словами рассказывает слушающим, как возник мир, что было с их предками... Есть отдельные текстологические проблемы; они вызваны ошибками, которые вкрались в древние рукописи на очень ранней стадии их переписывания. Но в целом текст ясен, прозрачен.

Правда, не везде так. Скажем, знаменитая пятая глава книги Судей — Песнь Деворы, древнейший памятник еврейской поэзии — тут что ни строчка, то загадка. В пророческих книгах красивая, сильная и ясно организованная поэзия часто сменяется очень загадочными, туманными и неясными пассажами. Вообще в поэзии — у пророков, в псалмах — текстологических проблем существенно больше, чем в прозе. К сожалению, синодальный перевод не только затрудняет понимание многих мест, но еще и нивелирует языковое, стилистическое разнообразие Писания. Что такое Ветхий Завет? Это сборник очень непохожих друг на друга книг: непохожих и по времени создания, и по жанру, и по стилю. Читатель же синодального текста просто не в состоянии понять, где «сложность» текста подлинно коренится в источнике, а где она создана переводчиком. Синодальный перевод причесывает весь Ветхий Завет под одну гребенку — и этим страшно обедняет его. Ведь в этом разнообразии, в жанровой и стилистической пестроте Писания есть, несомненно, и свое богословское значение. Конечно, задача переводчика не заключается в том, чтобы сложное сделать простым. Но и простое делать сложным он тоже не должен.

Какой источник «правильнее»?

– Ваш перевод озаглавлен «Перевод с древнееврейского». Но синодальные переводчики пользовались сразу и еврейским, и греческим текстом, помечая их различия в квадратных скобках. Вы не использовали греческую Библию?

– Синодальный перевод тоже сделан с еврейского. В нем имела место незначительная правка по греческому тексту — в тех местах, где, по представлениям науки того времени, греческий текст был ближе к первоначальному, чем еврейский. С тех пор текстология Ветхого Завета шагнула вперед. В нашем переводе, опираясь на последние текстологические исследования, мы учитывали греческие чтения, пожалуй, даже чаще, чем в синодальном переводе. Кроме того, нами учитывались и чтения Кумранских рукописей, изредка — латинского и сирийского переводов.

Говоря, что в синодальном переводе правка по греческому тексту весьма

незначительна, я имел в виду основной текст перевода. Однако внутри основного текста в православных изданиях внесены своего рода «вставки в квадратных скобках». Это слова, наличествующие в греческой Библии, но отсутствующие в еврейской. В протестантских изданиях синодального перевода эти вставки выброшены.

– А откуда в греческой Библии, которая, как известно, является переводом еврейской, взялись слова, которых в еврейской Библии нет?

– Иногда это следы древнейшего библейского текста — строки, которые в еврейских рукописях выпали по небрежности переписчиков. В таких случаях мы в нашем переводе восстанавливаем древний текст. Но чаще всего эти «вставки» греческой Библии — результат того, что переводчики Библии на греческий либо их позднейшие редакторы стремились как-то дополнить первоначальный текст, разъяснить его, гармонизировать чтения разных книг друг с другом. Такого рода расхождения, по нынешним нормам книгоиздания, надо отмечать не путем «вставок в скобках», а посредством подстраничных примечаний. Однако в готовящейся сейчас публикации количество примечаний пришлось свети к минимуму, и эти расхождения в ней отмечены не будут.

Кишки, которые стонут

– Что было самым сложным в работе над новым переводом?

– Преодолеть пропасть между нашей эпохой, нашей культурой, нашей идиоматикой — и тем, как видели, понимали и описывали мир люди Ветхого Завета. Например, в восприятии древних евреев сердце — это совсем не орган эмоций, как в европейских языках, а вместилище ума. Когда в Библии говорится, что «Бог ожесточил сердце фараона», это не значит, что он сделал фараона грубым и эмоционально черствым, это значит, что он сделал фараона глупым и упрямым. И когда в Библии упоминается «жестокосердие» — имеется в виду не жестокость, а глупость, тупое упрямство. Орган же эмоций для древних евреев — это то, что находится ниже сердца: кишки, почки... В буквальном переводе некоторые пророческие тексты звучат: «кишки мои стонут». Это значит, по-нашему, «сердце кровью обливается». Для нас «кишки мои стонут» — это что-то немыслимое; ассоциации, мягко говоря, совсем не те, что имел в виду древний автор. Нужно искать какой-то русский эквивалент: «сердце», на худой конец, «нутро».

– Каким вы видите место нового перевода Библии в нашей культуре? Как он может сосуществовать с синодальным?

– В отличие от синодального наш перевод никоим образом не претендует на общецерковную значимость. Он, скорее, продолжает ту традицию литературных переводов ветхозаветных книг, начало которой положили еще в советское время С. С. Аверинцев и И. М. Дьяконов. Это перевод для тех, кто хочет прочесть Ветхий Завет глазами его первых читателей и слушателей. Такое прочтение, мне кажется, очень важно. Важно вернуть ветхозаветному тексту его историческую глубину. Человек, попадающий в Церковь, не может не почувствовать, что здесь он соприкасается с историей, с древностью, с миром, который противостоит миру сегодняшнему. Но очень

немногие понимают, что на самом деле это три мира, три эпохи, достаточно разные. Во-первых, это мир Ветхого Завета с его древневосточной архаикой. Во-вторых, мир Нового Завета. В-третьих, наконец, мир Отцов, мир Византии, даровавший нам нашу иконопись и нашу литургию. Именно через призму византийско-древнерусской эпохи мы воспринимаем две предыдущие — библейские — эпохи. Скажем, на иконах ветхозаветные и новозаветные праведники изображаются в византийских одеяниях. В житиях святых их жизнь «подравнивается» под жизнь средневековых святых. Это очень наглядные иллюстрации того, насколько наше восприятие библейских текстов окрашено средневековыми, византийскими образами. Но в Ветхом Завете другой мир, более архаичный, более красочный, простой и жестокий.

— И насколько, на ваш взгляд, вам удалось передать это?

— В чем-то, может быть, удалось. Например, мы попытались приблизить ритм поэтических частей нашего перевода к еврейскому ритму — упругому, с короткими строками. Но часто мы понимали, что передать эту ветхозаветную архаику можно только в примечаниях. Вот снова наглядный пример. В начале книги Бытия мы читаем, что Бог изгнал Адама и Еву из Эдемского сада и поставил у входа херувима. Читаем в псалме, что Бог «летит, воссев на херувима». Вообще, устойчивый эпитет Бога в Ветхом Завете — «восседающий на херувимах». Херувима в православной иконографии принято представлять в виде ангела с мечом. В иконографии западноевропейской, начиная с эпохи ренессанса, херувимов стали изображать как пухленьких младенчиков с крылышками. Но и наш православный образ, и ренессансно-барочный одинаково далеки от того, что представлял себе древний еврей, читая эти строки. Как может Бог лететь, воссев на человекообразного ангела? Судя по тому, что мы знаем сейчас о мире и религиях древнего Ближнего Востока, древние евреи представляли себе херувимов не как мужчин с мечами и не как крылатых младенчиков, а как грозных крылатых львов или крылатых быков. В еврейском тексте, заметьте, в отличие от синодального, у входа в Эдем стоит не один херувим, а несколько (по-видимому, два). Парные статуи крылатых быков или львов, охраняющие вход, — характерная деталь ассирийского или вавилонского царского дворца. Именно так, по образцу царского дворца, и представляли себе древние евреи вход в Эдемский сад.

Что же переводчику делать? Вместо «восседающий на херувимах» писать про Бога «восседающий на крылатых быках»? Такой перевод адекватно отразит ветхозаветную архаику. Но, пожалуй, для русской традиции, для русской культуры книгу с таким текстом уже нельзя будет назвать Библией.

— Так что же вы в конце концов написали?

— «Херувимы». И сделали сноску. Понимаете, задача любого переводчика — перекинуть мост от того мира, в котором жили авторы переводимого текста, к нашему современнику. Это сложно. Но при переводе Библии задача неизмеримо сложнее — мы не имеем права забывать и о традиции, о тех столетиях, что нас соединяют. Нам надо перекинуть целую серию мостов: от Ветхого Завета к Новому, от Древнего мира к русской библейской традиции и, уже потом, от Ветхого Завета, от Нового Завета, от русской библейской

традиции — к нашему современнику.

СПРАВКА:

Михаил СЕЛЕЗНЕВ родился в 1960 году, доцент Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор Российского библейского общества, член Синодальной библейско-богословской комиссии, преподаватель Общецерковной аспирантуры. В рамках проекта, о котором идет речь, им были переведены книги Бытия, Иисуса Навина, Судей и Псалмы, а также Исход — в соавторстве С. Тищенко, Числа — в соавторстве с С. Тищенко, Второзаконие — в соавторстве с С. Тищенко, 3-4-я книги Царств — в соавторстве с Я. Эйделькиндром.

Дмитрий РЕБРОВ

<http://www.pravmir.ru/>